

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЦЫГАНКА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Цыганка

Аннотация

«В саду, в беседке, сидели две молодые девушки, почти девочки. Была очень ранняя весна, деревья стояли еще совсем голые, трава показывалась кое-где по краям дорожек, – но в воздухе уже веяло настоящим теплом. Сквозь обнаженные ветви лип и акаций светлело высокое, бледное небо. На юге, в Малороссии, март часто бывает теплым, как май...»

Содержание

I	4
II	10
III	14
IV	19
V	24
VI	28
VII	34
VIII	40
IX	46

Зинаида Гиппиус

Цыганка

I

В саду, в беседке, сидели две молодые девушки, почти девочки. Была очень ранняя весна, деревья стояли еще совсем голые, трава показывалась кое-где по краям дорожек, – но в воздухе уже веяло настоящим теплом. Сквозь обнаженные ветви лип и акаций светлело высокое, бледное небо. На юге, в Малороссии, март часто бывает теплым, как май.

Девочки работали, вышивали шерстью одну и ту же полоску, вероятно, для ковра.

Нельзя было решить с первого взгляда, которая из них старше. Обеим казалось лет по шестнадцати или даже меньше. Всякий сразу сказал бы, что они не сестры – так мало между ними было общего.

Брюнетка подняла голову и уронила руки на стол. В ее движениях замечалась резкость.

– Как надоела эта полоса, Господи! Лида! Лида! Что же ты, не слышишь? Увлечена! Брось, пожалуйста, эту дрянь. Ты посмотри, как хорошо!

Увлеченная Лида медленно и без удивления подняла на подругу глаза. Они были очень мягкие, очень кроткие,

светло-голубого цвета, чуть-чуть водянистые. Хорошенькое длинноватое личико походило на мордочку белой мышки. Около небольшого носа виднелись легкие, чуть заметные веснушки. Волосы соломенного цвета, зачесанные гладко назад и открывающие низкий, полукруглый лоб, спускались на спину толстой, короткой косой. Лида была немного медлительна, но мила и почти всегда спокойна.

– Нет, я не брошу, надо кончить, – возразила она. – Ты, Аня, всегда так: чуть начнешь что – уж наскучило... Ты...

Она не договорила, потому что Аня бросилась к ней на шею и стала ее целовать, повторяя:

– Я тебя страшно люблю... Лида моя, красавица, единственная... Я умру, так я тебя люблю... Я только одну тебя люблю.

Лида наполовину отбивалась, наполовину отвечала поцелуями. На последние слова подруги она сейчас же возразила:

– Как, одну меня? А разве своего папашу ты не любишь? И Каролину Петровну, я думала, ты любишь.

Аня затихла и, помолчав, отвечала:

– Что ж Каролина Петровна? Твоя гувернантка – моя учительница...

– Она у нас в доме как родная.

– Ну да, ну да, конечно... А папа? Что мне его любить, когда он меня не любит?

– Перестань говорить вздор, – наставительно заметила Лида. – Твой папаша занимается делами, смешно было бы ему

с тобой возиться. Такое значительное лицо! А скажи, разве тебе чего-нибудь недостает? Учителя у тебя лучшие; живете вы богато; не стесняют тебя; нет, ты счастливая!

Отец Ани, действительно, имел видное место в маленьком уездном городке Малороссии, куда его перевели не особенно давно. Он, хотя вдовец, занимал большую, прекрасную квартиру в лучшем городском доме. Этот дом принадлежал вдове Винниченко. Сама вдова с дочерью Лидией и гувернанткой жили внизу, в трех громадных, странных комнатах, похожих на подвалы. Мадам Винниченко была женщина не прихотливая, тем более, что служила в кухарках у собственного супруга, раньше чем сделаться его женой, барыней и домовладелицей. Лиду она воспитывала, как барышню, хотя была взыскательна.

Таким образом, подруги жили в одном доме, только в разных этажах. Аня, которая вне уроков не имела никаких обязанностей, целыми часами просиживала внизу, у подруги. Каролина Петровна, гувернантка Лиды, давала обоим девочкам уроки немецкого языка и музыки. Общий сад способствовал сближению. В саду Аня и Лида познакомились и подружились.

– Кто это был сегодня у вас так часов в двенадцать? – спросила Лида, продолжая работать, – молодой, без усов?

Аня смотрела прямо перед собой, на свежее небо сквозь ветви деревьев. Она ответила не сразу.

– Что? В двенадцать? Не знаю. Кажется, член суда новый.

К папе с визитом. Я ведь не выхожу к гостям.

– А как его фамилия?

– Да не знаю, ей-Богу! Смешная ты, Лида! Понравился он тебе, что ли?

– Мне все нравятся. И почему не спросить? Ничего тут нет смешного. Может – это тебе жених.

– Жених? Вот вздор-то! И вечно у тебя на уме женихи какие-то...

Лида сжала губы и проворчала сухо:

– И тут не вижу дурного. Всякая девушка думает о замужестве.

Аня расхохоталась и сказала:

– Нет, я не думаю. Я, например, убеждена, что страшно выходить замуж. Ты, Лида, ты другое дело: ты такая хорошенькая...

Лида едва заметно улыбнулась.

– Ну, хорошенькая! Это все равно. Надо всем выходить замуж. Мамаша думает меня выдать непременно за богатого, но я нахожу это лишним. У меня у самой хорошее приданое, я не жадная. Дом этот мне пойдет, да и вообще все будет со временем мое. Я одна дочь. Нужно искать, чтобы человек нравился. Да и то я не за всякого пойду. Командовать над собой не позволю. А случись подходящий – деньги – последняя статья.

Аня слушала рассуждения подруги с удивлением и с некоторой робостью. В такие минуты ей казалось, что Лида го-

раздо старше ее, хотя в действительности она была моложе на два месяца. Ей только что минуло шестнадцать.

– Лида, голубчик, – взволнованным голосом начала Аня. – Лида, молю тебя, не выходи замуж! Ты выходишь, да?

Лида рассмеялась.

– Да что ты? За кого я выхожу? Я так, вообще говорила. А если б пришлось – почему не выйти. Вот ты – действительно странная. Хорошо ты меня любишь, если не желаешь, чтобы я была счастлива.

Аня ничего не отвечала, потому что сама не знала хорошенько, отчего ей не хочется видеть Лиду замужем – но ей сделалось очень грустно. Она готова была заплакать.

Лида заметила это и встала.

– Перестань дуться, Аня, а то и я надуюсь. Пойдем лучше во флигель, хочешь? Там сегодня Каролина Петровна пробную бабу печет, по-своему. Мне надо посмотреть. Нынче среда страстная, а в субботу нам с мамашей придется у печки повозиться. Мы ведь все сами. Устинья не смыслит. А у вас кто будет?

– Что будет?

– Ну, к празднику приготавливаться. Пасхи делать, мазурки... Яйца красить.

– Должно быть, Анфиса. Ведь она у нас хозяйством заведует.

– Что она может! Отчего ты, Аня, сама хозяйство не возьмешь?

– Я? Я учусь... Да и не люблю... На что? Кому нужно? Пусть Анфиса скверно сделает пасхи. Я к вам приду, а папа все равно не заметит. Ему это безразлично.

Лида ничего не ответила, аккуратно сложила работу – и обе подруги отправились во флигель.

II

Флигель стоял во дворе, довольно далеко от большого дома.

Там помещалась кухня, даже две, людские, была и чистая светелка для скотницы. В этой светелке стояла Каролина Петровна, без очков, с красным, взволнованным лицом. Иногда она бросала взоры на скотницыну постель, где, на подушках, лежало что-то укутанное, похожее с виду на ребенка.

Каролина Петровна была довольно сухенькая немка без возраста, с черными, как смоль, волосами, живыми черными глазами и небольшим носом. Привычка раздувать ноздри придавала еще больше энергии ее маленькому, увядшему лицу. Деятельность Каролины Петровны не поддавалась никаким описаниям. Она вечно что-нибудь устраивала. Или детский спектакль, или концерт, или публичный экзамен своим ученицам, определяла каких-нибудь детей в приют, или, если ничего другого не случилось, то хоть Оксан или Гапок на места. И делала она это с таким тактом, настойчивостью и умением, что все у нее удавалось самым лучшим образом.

Мало-помалу, сама вдова Винниченко, дама полная и себе на уме, стала весьма доверять Каролине Петровне.

До главных хозяйственных дел она ее не допускала, но ме-

лочи были сданы на ее руки.

И после шести лет совместной жизни вдова Винниченко, равно и ее дочь, смотрели на Каролину Петровну, как на члена семьи.

– Тише! тише! – зашептала Каролина Петровна и замахала руками, увидя своих учениц. – Не хлопайте дверями. Две еще сидят.

Аня была в недоумении, но Лида сейчас же подошла к постели и спросила:

– Эту вынули? Валяли?

– Нет еще. Погоди.

– Что вы делаете! Ведь бок обомнется.

– Погоди, Лидочка. Не спорь. Впрочем, я думаю, теперь пора.

Каролина Петровна подошла к постели и развернула, едва касаясь, то, что было похоже на заснувшего ребенка. Под белыми покровами лежала баба, нежная, воздушная, легкая и мягкая, как пушинка. Каролина Петровна с любовью повернула ее, совсем темное, тело. Корочка была желтоватая, подернутая словно черным кружевом, подпеченая.

Лида положила в ряд две подушки и с серьезностью смотрела, как Каролина Петровна перекаtywала с одной на другую остывающий кулич. Ане сначала хотелось смеяться, потом сделалось скучно.

– Ну что, Аничка? – произнесла вполголоса Каролина Петровна, не отрываясь от работы. – Думаете праздниками

повеселиться?

– Нет, какое же веселье! Папы дома не будет. А я ведь не выезжаю. У вас буду, вот с Лидой.

– Пойдите, погодите. На праздниках еще бал устроим. Еще попляшете.

Аня вспыхнула. Она страстно любила танцевать.

– Как на Рождестве, Каролина Петровна? Да? Вот жаль, Альберта нету!

Альберт был знакомый пажик, приезжавший на Рождество домой.

Аня не могла бы сказать, какого цвета у него волосы, умён он или глуп. Но она жалела о нем, потому что он никогда не уставал танцевать.

– На что нам Альберт! И без него найдем! – возразила Каролина Петровна. – Знаешь, Лидуша, Платон Николаевич приезжает в страстную субботу.

Лида слегка оживилась.

– Надолго? Наконец-то собрался! Мамаша знает?

– Кто это? Кто? – приставала Аня.

– Племянник Каролины Петровны. Он был у нас четыре года тому назад. Вот веселый-то! вечно с ним возня. Ну, я рада.

Баба достаточно остыла и ее поставили на стол.

– А? ну что? Не хороша? – торжествовала Каролина Петровна, обращаясь к Лиде. – Легче ваших, куда!

– Только, может быть, пресна, – скептически заметила Ли-

да.

Ане опять сделалось скучно. Но прибежала косоглазая, противная горничная и объявила, что барин вернулся и обед подан.

Аня поцеловала своего друга, обещала забежать вечером и медленно пошла через двор, направляясь к большому дому.

III

Отец Ани уже сидел в столовой и ел суп, обмакивая в ложку большие усы с проседью и беспрестанно вытирая их салфеткой, завязанной вокруг горла.

Услышав шаги дочери, он на минуту вскинул глазами и сейчас же молча продолжал прерванное занятие.

Лакей в пиджаке подал Ане тарелку. Уже смеркалось. Столовая была большая, высокая, мрачная, с камином в углу и с аркой, ведущей в гостиную. На этой арке висела темная, дорогая занавеска. Все было дорого и темно, и никому не нужно. Человек с седыми усами и худенькая девочка были точно затеряны в громадной, холодной комнате, за длинным столом.

Подали второе и третье кушанье.

Лакей, неловко стуча, зажег висячую лампу, так что сладкое ели уже при огне. Потом тот же лакей принес чашечку кофе, сигары и спички. Аня заторопилась встать, – ее обед был кончен.

Отец опять поднял глаза.

– Ммм... Постой-ка, – произнес он не торопясь, глуховатым голосом.

Аня вздрогнула и взглянула на него с пугливым ожиданием.

– Я встретил нынче этого... как его? Федорова. Он просил

или жена, что ли... просят они тебя к ним нынче. К детям, кажется.

Аня вдруг вспыхнула.

– Это опять к прокурорше? Не пойду я! Ни за что не пойду! Мне скука, тоска, там девочки совсем маленькие, только глупые гимназисты, все предлагают: «Полеземте, братцы, на крышу!» Папа! не заставляй меня идти! Не могу я идти!

На этот раз отец поглядел с равнодушным изумлением.

– Что ты, матушка? Мне-то какое дело? Пожалуй, и не ходи. Я только сказал. Мне решительно все равно.

Он встал и, немного сторбившись, задевая каблуками пол, не торопясь вышел из столовой.

Аня осталась одна со своим возмущением, еще взволнованная. И это возмущение, которое ей не дали высказать, теперь превратилось в глухую обиду. Аня хотела бы заплакать, но слезы у нее замерли. Кругом было так тихо, так холодно и мирно.

Она прошла в свою комнату. И ее комната была слишком велика. Мебель поставили старую папашину, когда последний раз обновляли его кабинет. И странно было видеть рядом с узенькой белой кроваткой, с детской этажеркой для книг, учебным столом, где валялся задачник, – тяжелые кресла с высокими спинками, обитые темной кожей.

На столе горела маленькая лампа. Ее зеленый колпак бросал жалкий и горестный свет, точно сквозь бутылочное стекло. Углы оставались во мраке. Аня подошла к столу и бес-

цельно присела на табуретку. В незавешанных окнах еще светлело небо.

Аня боялась своей комнаты. Боялась не самой комнаты, а того, что сейчас за ее дверью начинался ряд других комнат, пустых, ничьих, очень больших и везде темных. Аня должна бы привыкнуть к постоянному одиночеству и не бояться темноты, как ребенок, но она ее боялась, и каждый вечер, за уроками или без дела, каждую ночь, пока не приходил сон, она испытывала то же неопределенное, тоскливое страдание – страх одиночества рядом с пустыми и темными комнатами. Она хотела завесить дверь туда, но не собралась. Днем она не боялась и даже забывала вечернюю муку.

Теперь она сидела и думала о своей обиде. Бояться было рано. Еще слышались вдали шаги лакея, идущего по коридору.

Лида назвала свою подругу «счастливой». С первых лет жизни Аня помнила себя именно в такой обстановке, в таких условиях. У нее всегда было все, что ей нужно, и она не знала, не умела бы сказать, чего ей недостает. Сначала у нее были няньки, потом гувернантки, которые все часто менялись; в четырнадцать лет отец ей объявил, что лучше взять учителей по часам. Она согласилась, потому что последняя гувернантка была очень стара, капризна и все равно вечно сидела у себя. Учителя тоже менялись, отца часто переводили из города в город. Аня училась, потому что были учителя и она знала, что все в ее лета учатся; но делала это со ску-

кой и равнодушием. Понимала она туго, блестящих способностей у нее не было. Аня могла делать все, что хотела. Она не помнила, чтобы какая-нибудь книга или вообще что-нибудь было ей запрещено. Никто не спрашивал у ней отчета, никто не интересовался ни ее поступками, ни ее успехами в ученьи. Всегда было одно и то же: молчаливые обеды и завтраки против человека с седыми усами, перемена учителей, гувернанток и случайных знакомых, являвшихся по делу, и одинокая комната, полная всем, что только нужно.

Своей матери Аня не помнила. Нигде не было ни одного ее портрета. Отец никогда, ни разу не упомянул о ней. Аня привыкла не думать об этом темном пятне.

Аня привязалась бы к кошке, к собаке, если б они у нее были. Она готова была любить каждую горничную. Но горничные попадались такие противные. Как странно, как ново показалось ей иметь друга! Лида спрашивала у нее, что она делала, что она думала, и рассказывала ей про себя.

Знакомые Лиды тоже казались ей какими-то особенными, милыми. Когда у Лиды, по инициативе Каролины Петровны, затевались танцы – Аня была наверху блаженства от нового удовольствия. Сравнительно с Лидой – Аня была девочка; она даже не читала ни одного романа: в отцовской библиотеке их не случилось, да и вообще Аня была не охотница до книг. Лида находила Аню некрасивой. Она была худа, суха, со впалой грудью и длинными кистями рук, черна и порывиста. Матовые волосы, совсем черные, не лежали гладко, как

Аня их ни причесывала. Большой рот, белые, немного редкие, острые зубы, нос слишком короткий и порой блестящие, порой тусклые, продолговатые, странные глаза – все это делало ее не хорошенькой. Но в ней было непонятное, заразительное беспокойство, не то веселость, не то нервность, заставлявшая обращать на нее внимание. Иным казалось, что это волчонок, который родился среди людей и еще не знает, что есть лес. Маленькие дети, племянницы Лидиной матери, девочки лет восьми, десяти, сторонились от Ани, боялись ее – и вместе с тем непобедимо и тайно обожали ее. Она этого не подозревала. Улыбаясь, она делалась сама похожа на десятилетнюю девочку, не добрую, но неотразимо милую.

Далеко, едва слышно, пробили часы в столовой. Аня очнулась от своих туманных мыслей. Который это час? Верно, девять. Пора, давно пора вниз. Ее ждут.

Аня схватила плед и проскользнула по коридору на лестницу.

IV

Племянник Каролины Петровны действительно приехал к Пасхе.

В первый день вдова Винниченко с дочерью принимали визиты.

Стол в зале был уставлен мазурками, бабами, пасхами, куличами, тортами, телятиной, ветчиной – всем, что только печется и жарится к светлому празднику. Комнаты внизу были большие, странные, со сводами, с окнами под потолком, с крашеными стенами. Говорят, что тут прежде были подвалы, где у покойного хозяина хранилось добро и деньги. Аня иногда спрашивала свою подругу, не боится ли она жить в подземелье. Но Лида пожимала плечами и смеялась. Не все ли равно? И к тому же выгоднее отдавать верхнюю квартиру.

Впрочем, красная бархатная мебель, рояль, всевозможные коврики и подушечки работы Каролины Петровны придавали «подземелью» уютный вид.

Курили, спорили, смеялись, пили наливки и вино. Лида, в пышном голубом платье, угощала двух офицеров суровой наружности и барышень. На столе начинался беспорядок, валялись крошки, в воздухе пахло шафраном и пряностями.

В уголку за роялью сидела Аня и молча наблюдала за суетой.

Она была в простеньком коричневом платье, потому что

забыла попросить отца дать ей денег на новое. И когда Лида напомнила об этом, было уже поздно. Впрочем, это ее не печалило. От приторного запаха у нее немножко болела и кружилась голова – она не любила все эти невыносимо сладкие пасхи и мазурки.

Высокий, сутуловатый господин в летнем пиджаке подошел к Ане и сел на кресло рядом. Это был Платон Николаевич, племянник немки.

– Что это вы удалились?

– Так. У меня голова болит, – ответила Аня и бросила недоверчивый и неприязненный взгляд.

– Утомились, верно? У заутрени были?

– Я? Нет. Я не была.

– Отчего?

Аня смутилась и разозлилась. Что это за допрос? И она сказала отрывисто:

– Не была, потому что я не хожу в церковь. Платон Николаевич сделал строгое лицо.

– Ай-ай-ай! Барышня, да вы в Бога не веруете?

Аня хотела ответить с дерзостью, но случайно взглянула на Платона Николаевича. Физиономия его выражала такой комический ужас и вместе столько добродушия и веселости, что Аня рассмеялась невольно и сказала:

– Отчего не верую? Нет, мне не с кем ходить.

Платон Николаевич был похож на поповича. Некрасивое, широкое лицо обрамляла светлая бородка, росшая как-то

снизу. Голубые глаза смотрели просто и весело. Гладкие волосы были такого же сероватого цвета, как и борода. Когда он смеялся – на щеках у него являлись ямки, точно у ребенка, и придавали ему забавный и бесконечно веселый вид.

– А знаете, – сказала Аня, взглядываясь в него, – ведь вы совсем не похожи на немца.

– Да какой же я немец? Я и не думаю быть немцем. Мой отец настоящий русский был, и мать русская. Она, впрочем, приходится как-то двоюродной сестрой Каролине Петровне, так что Каролина Петровна мне троюродная тетка.

– Это почти и не родня. Какое уж это родство!

– Нет, отчего? И, вообще, я Каролину Петровну родной считаю. Ведь мы долго все вместе жили.

– А вы где живете?

– Я? С матерью, в Чернигове... А раньше мы в Москве жили...

Ане хотелось спросить: кто он, что делает, чем занимается – но не посмела.

Гости между тем расходились. Лида сказала, что она пойдет переодеться.

Каролина Петровна издали крикнула племяннику:

– Платон, проводи нас в сквер! Я и Лидуша пойдем в сквер. И после этого заявления она тоже удалилась к себе. Платон Николаевич и Аня остались одни. Из кухни доносился голос бранящейся вдовы Винниченко.

– Вы тут наверху живете? – спросил Платон Николаевич.

– Да, тут...

– Вы тоже с нами в сквер пойдете?

– Нет, я не пойду...

– Почему? Вас не пустят?

– О, меня всегда пускают! Кто бы меня не пустил? Но я должна идти скоро обедать, папа удивится, если меня не будет за столом. Что вы так странно на меня смотрите?

– Разве я странно?.. Мне показалось, что вы печальны. У вас глаза печальные. Мне бы хотелось вас развеселить.

– О, я вовсе не печальна! Напротив, мне теперь очень хорошо. Я часто бываю весела, например, когда с Лидой – я Лиду страшно люблю, или когда танцую. Отчего мне быть печальной? У меня все есть, что мне только нужно.

– Правда? Вы любите танцевать? А кататься любите? У меня тут недалеко есть товарищ старый – помещик – у него чудные лошади. Я попрошу – он даст покататься. Вы поедете? Всех возьмем...

– Да, да, поеду...

– Вы меня еще не знаете, я вас развеселю. Я фокусы умею делать, комические куплеты петь и анекдоты рассказывать... Я сам веселый и мне хочется, чтобы другие были веселы.

Аня собиралась что-то возразить, но тут вошли Каролина Петровна и Лида, совсем готовые на прогулку, в шляпах и перчатках.

– А ты что же, нейдешь? – мельком спросила Лида, поправляя вуалетку. – Жаль, вместе бы прогулялись.

Платон Николаевич искал свою шапку.

Аня молча поцеловала Лиду и пошла к двери. Ей в самом деле стало грустно и мелькнула мысль – не пойти ли с ними в сквер, несмотря на обед?

Но с лестницы уже спускалась косая горничная: барин был дома и обед подан. К тому же и компания, не оглядываясь, выходила из ворот.

V

– Правда, Лида, милая моя, какой он хороший? Какой веселый, и все умеет устроить? Он чудный, Платон Николаевич, правда?

Лида подняла свои голубые, немного выпуклые глаза, похожие на фарфоровые. Взгляд их всегда был покоен и прохладен.

– Да, он мастер на все. И очень любезный.

– Он тебе нравится? Не правда ли?

– Почему бы ему мне и не нравиться? Мне все нравятся.

– Лида, ты как будто дуешься на него. Отчего ты такая?

– Какая?

– Да не знаю... Говоришь еле-еле... Платон Николаевич чудный, прелестный, с ним у нас весело, он все умеет, все знает, – а ты будто недовольна... Разве так к нему нужно относиться?

Лида и Аня опять были в саду, в беседке. Солнце зашло, наступал тихий вечер. Теперь кругом все распустилось, ожило, зеленые, сильные, свежие листья покрыли деревья. На акациях висели белые кисти цветов. Эти цветы пахли ярко и радостно. Невинное небо весны сделалось темнее, глубже и спокойнее. В большом саду стало тесно, точно деревьев вдруг выросло вдвое больше, на дорожках легли уютные тени.

Лида, при последних словах подружки, немного отодвинулась – они сидели совсем рядом – и кашлянула, точно хотела что-то сказать и удержалась.

Аня продолжала:

– Ты молчишь? Лида, ты сердишься? Лида, умоляю! За что?

– Если ты непременно хочешь, чтоб я с тобою была откровенна – изволь. Я, пожалуй, выскажу тебе свое мнение. Ты меньше видела людей, менее опытна, чем я. Я могу давать тебе советы...

– Ну, ну, говори, что такое?

– Я нахожу, что ты дурно, неприлично держишь себя с Платоном Николаевичем. У тебя нет никакой сдержанности. Кто во вторник на пикнике бегал с ним в рощу? Хохочешь, кричишь или разговариваешь с ним чуть не шепотом. Теперь пристала ко мне: чудный, чудный, упоительный! Это смешно для девушки. Знаешь, он может подумать, что ты в него влюблена.

Аня вся вспыхнула в темноте и широко раскрыла глаза.

– Я? Влюблена?

– Ну, да. Что же тут необыкновенного? Ты можешь влюбиться, хоть выйти за него замуж. Действительно, как раз муж для тебя! У тебя нет приданого, твой отец что получает – то и проживает, ты сама знаешь, ну, и Платон Николаевич – нищий, и на службу неспособный, он университета не кончил, два раза в суд куда-то определяли – ушел, не го-

дится, не хочет... Ведь Каролина Петровна их поддерживает, его и мать... Ее он должен благодарить. Да в хороших руках и он бы стал человеком, и еще каким, – только не с тобой; ты сама сумасшедшая, дикая... То-то парочка!

Аня слушала в оцепенении. Наконец, проговорила тихим, странным голосом:

– Лида... Подумай, что ты говоришь... Разве я когда-нибудь... Зачем ты, Лида?..

Но Лида и сама почувствовала, что зашла далеко.

– Ты просила высказать мое мнение. Тут нечего сердиться... Конечно, может быть, я и ошибаюсь... Я так, к слову сказала.

Наступило молчание. Наконец, Аня произнесла тем же тихим голосом:

– Лида, ты знаешь все обо мне, знаешь, какая я, как живу... И что ты мой единственный друг... А если не ты – то ведь у меня опять ровно никого... Скажи, мне это очень важно теперь: ты меня любишь хоть немножко? Или хоть веришь, что я тебя любила?

– Смешная ты, право. Конечно, я тебя очень люблю и от души желаю тебе всего самого лучшего... И эти мои слова, на которые ты обиделась, – это все для твоего же блага...

– Не обиделась я... Ты не то говоришь... Скажи, любишь?.. Скажи мне один раз... Да нет, впрочем, не надо. Все равно.

Она умолкла. Лида была удивлена и раздосадована. Она

холодно простилась с подругой и ушла домой. Аня осталась в саду и долго и неподвижно сидела одна.

VI

Аня бежала с лестницы.

– Это вы? Куда это вы так спешите, Анна Дмитриевна?

Аня остановилась, испуганная.

– Вы хотите к нашим? – продолжал Платон Николаевич.

– Да, я хотела... Лида просила немецкую книгу...

– Не попадете к ним. Ушли все и ключ с собой взяли. Вот я вернулся – у товарища был – и войти не могу. Буду здесь дожидаться.

– А что же Устинья? Вы бы с другого хода...

– Был и там. Устиньи, как следовало ожидать, и следа нет.

Да чем тут плохо? Эдакая галерея роскошная...

Сени были, точно, просторные, стеклянные. Вверху на лестнице, за поворотом, горела тусклая лампа и от нее в нижних сенях было не очень светло.

– Вот погодите, я открою с этой стороны все окна, так тут, я вам скажу, великолепно будет.

Он, действительно, отворил широкие, сплошные окна. На дворе было свежо и темно, а если б звезды не дрожали, то казалось бы, что в окне спущена черная занавеска.

– Вот славно-то будет нам дожидаться! – сказал Платон Николаевич, усаживаясь на низкий подоконник. – Пожалуйте, милости просим.

Но Аня нахмурила брови.

– Нет, – сказала она. – Что мне дожидаться. Вот, передайте книгу. Они, я знаю, скоро не придут. Я поднимусь к себе.

И она сделала движение, чтобы идти. Но Платон Николаевич остановил ее.

– Нет, милая моя барышня, я вас так не отпущу. Уж теперь вот кстати случай вышел... Я с вами давно поболтать хотел... Садитесь-ка.

Аня опять взглянула исподлобья и села.

– Ну, о чем это такое? – сказала она угрюмо.

– А вот о чем. Сели? Прекрасно. Теперь извольте признаться, за что вы на меня гневаетесь? В чем я перед вами провинился?

– Вы? ни в чем.

– А за что же вы на меня дуетесь? Разве так прежде было?

– Прежде было не так.

– Так что же случилось?

– Я не хочу сказать, что случилось.

Платон Николаевич умолк на минуту. Ответы были коротки и определены. Она не хотела сказать.

– Послушайте, – начал он снова, другим тоном, перестав шутить. – Скажите мне. Гораздо лучше сказать. Разве не весело, не славно нам было вместе? Может быть, вы слышали обо мне что-нибудь дурное? Или вам скучно стало, что я все ломаюсь, шучу, комедианничаю – будто и нет во мне ничего серьезного? Я знаю, это может опротиветь. Я сам себе иногда противен. Да ведь с вами я не всегда был такой. Вы ме-

ня не знаете. Я веселый, это правда, а в сущности я очень несчастный.

Аня встрепенулась.

– Вы несчастны? Отчего?

– Я скажу отчего. Вы хоть и девочка, а вот мне чудится, что вы это все поймете. Вы мою жизнь не знаете? Я как перст один-одинешенек. Мать там, тетка – ну что это? Еще хуже, потому что не понимают, а осуждают. И я не говорю: они правы. И они правы – и я прав. Вот послушайте. Они говорят: ты обязан служить, деньги зарабатывать, мать содержать. Я обязан – но если сил моих нет? Совсем душа не к тому лежит. Претит эта служба мне – я, как птица лесная, скиталец, комедиант, нищий, сам себе царь и сам слуга... Говорю: отпустите меня на волю, не ваш я, вы мне чужие – я вам чужой, не держите... Вот вы мне куда роднее, чем мать... Вы, потому поймете, что самой-то вам, знаю, не сладко... Вы как былинка малая, льнете и к Лидии к этой, и еще к кому-нибудь, пожалуй... Они все вам чужие. Человек человека если и хочет, то всегда только для себя. Мать за меня цепляется, боится, что уйду. И она права. Ведь обязан я ее содержать, обязан! Живи, волк, на веревке, сиди, цыган, в тюрьме!

В голосе его послышалась настоящая горечь. Лицо было печально, некрасиво и жалко. Аня вскочила с подоконника и обеими руками схватила его руку. Он взглянул в ее странное лицо и немного испугался.

– Знаете? – сказала Аня почти шепотом и сжимая его ру-

ку. – Вы не знаете, я вас слишком понимаю, я, может, сама цыганка...

Он опять посмотрел на нее и подумал невольно, что она, действительно, похожа на цыганку. На щеках был яркий румянец, за красными, как кровь, полуоткрытыми губами виднелась блестящая полоса зубов.

– Что Лидия? – продолжала Аня тем же шепотом. – Она меня не любит, как и все... А вы вот сказали, что я вам родная... Правда это? Если правда – то это для меня страшно важно, потому что я никому никогда еще не была родная. Это для меня страшно важно. Я вас благодарю, и я сама вас ужасно люблю, и жалею, и помогу, и понимаю – и, главное, ужасно люблю...

Худенькие ручки Ани обвилились вокруг шеи Платона Николаевича. Он видел на своем плече, совсем близко, ее смуглое, вдруг необычайно похорошевшее, лицо со странными, тусклыми глазами, красные губы, которые что-то шептали, какие-то слова любви, – он растерялся, он не смел и не знал, что ему делать перед этим бессознательным порывом, неожиданным для нее, как и для него. Он, пытаясь освободиться, проговорил:

– Аня, милая, родная... Нельзя так...

– Все можно... Все... можно... – ответила она чуть слышно, не думая о том, что говорит. – О, все, если так, как я...

Она не договорила, потому что он чуть-чуть наклонил голову и дотронулся своими губами до ее нежных и горячих

губ. Было несколько секунд тишины. Платон Николаевич выпрямился и слегка отстранил Аню. Она послушная, точно уставшая, покорно опустила руки и прислонилась к подоконнику.

– Нет, нет, – заговорил Платон Николаевич. – Вы сами не знаете... Вы ребенок... Конечно, я все это понимаю... И я сам виноват... Милая моя, девочка моя хорошая, я знаю, что я виноват...

– Вы ни в чем не виноваты. В чем же тут быть виноватым? Он видел ее искреннее удивление и решительно не умел объяснить, в чем он виноват.

– Послушайте, Аня, я, может, и слабый, и гадкий человек, но я не подлец, не думайте, Бог ради...

– Да чем же вы гадкий, почему я это должна думать, если вы меня... любите, если я вам родная? – Она вдруг улыбнулась и стала похожа на девочку. – Я вспомнила, что мне никто не говорил: я тебя люблю – никогда; и вот раз я просила Лиду, чтобы она мне сказала; она говорила: «Конечно, я тебя очень люблю» – но мне было холодно и дурно, когда она это говорила.

Аня опять приблизилась, села рядом на подоконник. Небывалая радость сделала ей живой, почти болтливой.

– А вы так просто сказали, что я вам родная. Так просто – я сразу поверила. Вы не будете больше несчастны, потому что я вам родная и понимаю все... Главное, чтоб один человек любил другого. Без этого нельзя. А то, кажется, все есть,

что только нужно, а этого нет – и ничего нет... Прежде я этого не знала, только скучала – я недавно это поняла...

Она опять усмехнулась.

– А мне Лида наговорила, что я дурно держу себя с вами, что вы можете подумать, что я в вас влюблена... Ну, я и стала такой... строгой. Влюблена – это гадкое слово, это Лидино слово. Но почему же нельзя, Господи, нам быть родными? Ведь это так до глубины души хорошо. Хорошо?

Платон Николаевич чувствовал себя несчастным, погибшим. Ему очень нравилась эта девочка, он почти решил... – но все-таки он еще ничего не знал... Много было соображений... Он опомниться не успел, она такая неожиданная... Он начинал бояться, зубы его стучали.

Вдруг на дворе послышались голоса. Хозяева возвращались домой. Аня вскочила, опять сжала его руки и, глядя ему прямо в глаза, шепнула:

– Завтра, пораньше, в сад приходите... Придете? Смотрите же... Я буду помнить.

И когда закрипела входная дверь – Аня легко и быстро бежала вверх по лестнице. Каролина Петровна, впрочем, видела кончик мелькнувшего коричневого платья и пристально, сквозь очки, посмотрела на растерянное, почти глупое, лицо Платона Николаевича.

VII

В маленькой комнатке, с таким же окном у потолка, как во всем нижнем этаже, было очень жарко. На постели лежало слишком много перин и подушек. Сундуки и ларчики тоже не давали простору. Пахло коринкой, кофеем и еще чем-то, приторным, как пахнет в комнатах у пожилых немок, любящих хозяйство. Сама Каролина Петровна сидела на стуле, очень прямо, положив руки на колени, и, не мигая, смотрела на Платона Николаевича.

Это было вечером, после чаю. Лида с матерью пошли спать, а Каролина Петровна, заметив, что племянник тоже собирается скрыться к себе, позвала его на минутку в свою комнату.

– Я имею кое о чем переговорить, Платон, – объявила она.

Платон Николаевич пошел молча и теперь стоял перед теткой, ожидая ее слов.

– Сядь же. Вот на этот стул, визави со мной. Тебе удобно будет.

Опять наступило молчание.

– Я тебя позвала, Платон, – немного торжественно заговорила Каролина Петровна, – чтобы наконец серьезно с тобой переговорить. Слушаешь ли ты меня?

Платону Николаевичу было скучно и тошно на сердце. Но он покорно ответил:

– Слушаю.

– Ну, так вот что. Не буду напоминать тебе о крайнем положении твоей престарелой, больной матери и о том позоре, который ложится на тебя, здорового, взрослого ее сына, ее до такого положения доведшего. И она это сознает, – како-во-то ей подобную благодарность от своего дитяти получать! Но все это тебе давно известно. Я принимаю участие в моей кухне и тебе. И я писала перед праздниками, что намерена устроить вашу судьбу окончательно, что тебе вообще пора жениться, и предложила тебе приехать на время в семейство, где я живу. Скажи мне теперь, что ты вынес из моего письма и на что ты рассчитывал, соглашаясь на мои предложения?

– Я думал... Я полагал... – смущаясь и путаясь заговорил Платон Николаевич, – что вы настолько добры... как были всегда относительно матушки... и принимая участие во мне... решили, что вообще мне хорошо бы остепениться... и что если найдется подходящая невеста...

– Если найдется... Вообще остепениться... Скажите, пожалуйста! Действовать на случай, действовать безрассчетно, безрассудно – не в моих правилах. Ты плохо себе уяснил смысл моего письма, я это давно вижу. Ну, а жениться ты, значит, не прочь?

Платон Николаевич оживился.

– Танточка, если бы я мог рассчитывать на вашу помощь относительно матушки... Ну, хоть первое время, пока что... Если б вы обе согласились отпустить меня поискать рабо-

ты или службы какой-нибудь по сердцу, на свободе – я бы, танточка, женился... Она мне и нравится, и вообще, так, чувствуется...

– Ты про кого говоришь?

– Да про эту маленькую, Анюту... Я думал – вы, танточка, знаете...

– А что мне тут нужно знать? Ты ей предложение сделал?

– Нет, я предложения не делал... Но так, вообще... Она мне нравится...

– Я вызвала тебя, Платон, имея для тебя в виду подходящую невесту, жениться на которой ты обязан, потому что своей женитьбой ты обеспечишь, успокоишь мать, а сам пристроишься. Я же твоей матери, ни тебе самому из заработка помогать не должна. Я устраиваю для тебя всякую возможность, а если ты обязанности не исполнишь, то я отступаюсь. Я сама бедный человек.

Платон Николаевич смотрел на тетку испуганно, еще не понимая.

– Мой план был и есть таков, – продолжала она – чтобы тебе жениться на Лидии Винниченко.

Платон Николаевич вскочил в ужасе.

– Как, на Лидии? Да что вы! Да это невозможно. Это не годится.

– Почему же? – спокойно возразила Каролина Петровна. – Вот послушай. У нее дом, тысяч шестьдесят деньгами да хутор хороший в Черниговской губернии. И после матери кое-

что останется. Надо тут подумать. Ты делами будешь управлять, а нет – то и без тебя обойдемся. На хутор поедешь. Туда мамашу перевезешь. Умней этого тебе нельзя поступить.

– Тетушка, что вы! Мне Лидия не нравится. Да и не пойдет она за меня. И мать ее не отдаст. Что я? Нищий, ни положения у меня, отец был управляющим...

– Их тоже положение не генеральское. Что мать воображает за богача отдать – то правда. Ну, а я на что? Я все могу устроить. Лида же – девушка умная. Мы с ней давно переговарили. Ты ей весьма нравишься.

Платон Николаевич казался убитым. Голос тетки был решителен и тверд.

– Ты изъявишь согласие, и мы немедленно это и устроим. Теперь время, а то будет пост петровский. Мать твоя мне пишет и благословляет тебя.

– Послушайте, милая тетя, это невозможно. Я сознаю, что вы не обязаны, что я, негодный, обязан служить, кормить мать, что я, действительно, поступаю скверно... Ну я буду служить, постараюсь как ни на есть... Да не хочу я на этой жениться... Мне та нравится, Анюта, я лучше на ней женюсь... Что ж это? Ведь я не знал... И я ей тоже нравлюсь... Она же такая покинутая... Жаль мне, тетя!.. Голубушка, не заставляйте меня, я знаю, вы меня на все можете уговорить, не дайте мне ее покинуть, я этого не могу!

– Может быть, я сделала ошибку, не разъяснив тебе раньше моих планов. Но я не думала, что ты так неосмотритель-

но, ничего не узнав, начнешь завлекать молодую девушку. Но как ты предложения, говоришь, не делал, – то все это поправимо. Она себе женихов в своем кругу найдет. Кто ее сильно полюбит – возьмет и без приданого, и без имени. Нам она не годится; мы хоть бедны, да все семейство у нас честное. Анна же просто цыганки дочь, таборной цыганки. Ведь это всем известно. Дочку она отцу прикинула – а сама опять в табор ушла. И неизвестно где скитается. Из этакой семьи нам не нужно. Девушка, говорят, на мать и похожа. Ты ей сегодня нравишься, а завтра другой понравится. Тут на это смотреть нечего. Не ее, а тебя жалеть придется, если такую взять. Ее только смути – она сейчас готова. Тебе ее смущать не следовало.

Бедный Платон Николаевич опустил голову и лепетал бесвязно:

– Все-таки мне жаль... Какое мне дело – чья дочь... Разве она виновата? За что же я?..

До сих пор спокойная Каролина Петровна рассердилась.

– К чему это я с тобой говорю, в самом деле? Не я у тебя одолжения прошу! Делай, что знаешь. Женись на нищей девчонке. Бросай мать при дороге. Служить он будет! Ищи, поди, места. Когда спохватился! А мать больна, ее в город, в Полтаву, надо везти, операцию делать. На какие деньги ее повезешь? Или так, околеть бросишь, сынок единственный? О нем же заботишься, он же гримасничает! Да не надо! Кто своих обязанностей не понимает – с тем я времени не трачу!

Она встала в негодовании. Платон Николаевич схватил ее за платье.

– Не уходите, постойте... Мы решим, мы подумаем... Зачем вы мамаше-то написали обо всем? Ну – мы подумаем... Как же так сразу?

– Не о чем думать. Кажется, ясно. Не хочешь – я напишу матери, чтобы и не ждала. Тут время не терпит. Надо решать.

Платон Николаевич молчал.

– А еще о жалости твердит, – язвительно произнесла Каролина Петровна. – Уж если родную мать не жалеет, так о чужих вспоминать не приходится... Ступай-ка, я спать ложусь.

Платон Николаевич пошел к двери. Но у порога вдруг остановился, обернулся, махнул рукой и проговорил:

– Что ж... И так – и иначе, все равно я буду подлец... Делайте со мной, тетя, что хотите. В ваши руки отдаюсь.

VIII

Аня ходила по зале, из одного угла в другой. Лицо ее было желто и не только не напоминало лица ребенка, но даже не казалось молодым. Это черты пожилой, измученной женщины. На висках лежали зеленоватые тени, углы рта опустились.

Три дня она не видала Платона Николаевича. Пробовала ходить вниз – но и там его не было, а Лида и Каролина Петровна так странно смотрели на нее и так холодно говорили, что она спешила уйти, ей было стыдно и нехорошо с ними. Ходила она в сад, где они часто встречались и куда, после вечера на лестнице, она звала его на другой день. Тогда он пришел, но почти не удалось поговорить, – к ним в беседку явилась Лида с работой. Все равно Аня была счастлива, потому что он сидел около нее, смеялся, шутил и порой смотрел с лаской. Что в глазах была к ней ласка – это она знала наверное. Потом они встретились случайно у крыльца, вечером; Аня кинулась к нему и только успела шепнуть:

– Верите мне?

Сейчас же стукнуло окно и голос Каролины Петровны позвал:

– Это ты, Платон?

Но все-таки тогда он сжал ее руку и проговорил:

– До завтра.

Завтра они не видались – и ни разу с тех пор.

Напрасно Аня бродила по саду, ждала у крыльца, на лестнице... Платон Николаевич будто нарочно прятался.

Дольше Аня ждать не могла. Она хотела знать, что случилось, должна была знать. Она предпочла бы убедиться, что он умер.

Шло время, боль в сердце сделалась так сильна, что соображения Ани стали бессмысленны и вещи, самые невозможные, казались теперь простыми и даже необходимыми, лишь бы они уменьшили муку.

Отца не было дома. Он вернется не раньше двенадцати. Все люди разошлись, было воскресенье, даже экономка Анфиса ушла. В доме было пусто и тихо.

Аня отправилась в свою комнату и села за стол. Она искала глазами бумаги – и не нашла. Она вырвала клочок с голубыми линейками из старой тетради и написала крупными буквами.

«Многоуважаемый Платон Николаевич! Умоляю сказать, что случилось. Умоляю видеть хотя на минуту. Я больше не могу вытерпеть. Мне очень, очень важно. Папы нет дома. Приходите ко мне, потому что в сад нельзя, идет дождь. Я вас понимаю, жалею, люблю – только придите. Я не умею сказать, как страшно мне важно, чтобы Вы пришли сейчас. Больше писать не могу. Любящая Вас Аня».

Конверта тоже не было. Аня сложила записку узко и за-

клеила старой облаткой. Потом позвала косую горничную, которая оказалась дома.

– Вот, снеси это вниз.

– Барышне или немке?

– Нет. Платону Николаевичу.

– Какому это?

– Да Платону Николаевичу! Барин там, ведь знаешь!

– Это племянник немкин, что ли!

– Ну да, да, Боже мой!

– Цыбастый такой?

Аня готова была потерять терпение. Наконец горничная ушла, повертев письмо и недоверчиво на него поглядывая.

Аня стала ждать. Она ходила по своей комнате взад и вперед, крепко сложив руки на груди, стараясь удержаться от дрожи и прислушиваясь. Но было совсем тихо. Прошло какое-то время – Аня даже не знала, короткое или длинное. За дверями слышались шаги и явилась косая горничная.

– Ну что? Есть ответ? – спросила Аня очень равнодушным голосом.

– Велели сказать – хорошо.

– Кто велел? Он сам?

– И не сам. Я сейчас, как спустилась – говорю Устинье: где барин? Она говорит: там. Я пошла, да прямо в немкину комнату. А он там и сидит, и немка с ним, и барышня ихняя белобрысая, а хозяйки, Степаниды Ильинишны, нет...

– Ну, и что ж ты? – замирая от непонятного ужаса, спро-

сила Аня.

– Я сразу ему и отдала письмо. Спрашиваю, будет ли какой ответ? А сама смеюсь. И не знаю чего – а смеюсь. Тогда немка тоже засмеялась и говорит: скажи, говорит, своей барышне, что хорошо.

– А он что? Распечатал письмо, прочел?

– Уж не знаю. Как будто вертел, а читал ли – не знаю. И на немкины слова ничего не сказал.

Горничная собиралась пуститься в рассуждения, но Аня ее оборвала.

– Теперь ступай. И кровать делать не приходи. Сама сделаю.

Боль в груди не уменьшилась. Что это значит – «хорошо»? И не он сказал, а Каролина Петровна. Значит ли это, что он придет?

Да, он непременно придет, потому что нельзя же дольше выносить эту странную муку. Пусть Каролина Петровна читает ее письма, и Лида, пусть хоть весь свет; Ане все равно. Каролина Петровна прочтет, поймет, что так нельзя – и сама скажет ему, что непременно нужно идти.

И он сейчас придет.

Аня поспешно схватила гребенку и пригладила волосы. Потом подвинула кресло к столу. Убрала книги и тетради. Ее ухо уловило бы малейший шум – но шума не было. Аня села в кресло и ждала.

Шли минуты и часы. Порою Ане чудилось, что пробежали

безмолвные тени по сумрачным стенам, еле освещенным зеленой лампой. Порой за дверью, в темных пустых комнатах кто-то возился, шуршал и лепетал – но это все были нечеловеческие звуки и нельзя было их принять за шум шагов. Дождь утих. В окна теперь смотрели невинные и равнодушные звезды.

Аня без борьбы, только с удивлением, отдавалась боли в сердце, точно ребенок, которого несправедливо наказывают. Часы пролетели, как минуты, она их не заметила, изумленная силой своего страдания. Когда она очнулась – было уже половина третьего. Он не пришел. Аня встала и приблизилась к постели. Ей показалось, что дверь из пустых комнат шелохнулась и беззвучно приотворилась. Она подошла ближе – дверь была заперта. И только глухо, за стенами, слышались чьи-то быстрые-быстрые, легкие шаги, точно кто-то стремительно пробежал и скрылся.

Но Аня не чувствовала прежнего страха. Теперь у нее в душе было пусто и темно так же, как в тех комнатах рядом.

Она легла в постель и погасила зеленую лампу. Скоро пятна окон стали виднее. В комнате наступили серые, глухие сумерки. Потом серая пыль стала розоветь, все пояснело, и первый луч солнца, длинный, острый и красный, упал на стену. Аня все лежала с открытыми глазами и подумала, что уже не заснет. Но когда день совсем наступил, птицы защелкали в саду и петухи запели на дворе – она вдруг заснула, незаметно, крепко и тихо, точно умерла или опустилась на

дно глубокого колодца.

IX

Ее разбудил стук двери.

Косая горничная вошла с кувшином воды. Аня поглядела на нее еще без мысли, ничего не вспомнив, и хотела опять закрыть глаза. Но выражение лица горничной удивило ее, и она приподнялась на локте.

– Чего ты? – спросила она невольно.

Горничная не могла удержаться от смеха. Вид у нее был довольный и таинственный.

– О чем ты? – повторила Аня.

– Уж и заспались вы, барышня! Ведь второй час. Папаша одни позавтракали и уехали. А у нас-то дела! Что только творилось, Царь Небесный!

– Да говори, какие дела?

– Вы не поверите, барышня. Ведь немка-то хозяйскую дочку со своим племянником окрутила! Да ведь как, уходом, в тайности! Ловкая, нечего сказать! Утром пошли они втроем будто на прогулку, а вместо того в церковь – да и готово! Глядь, уж молодые под ручку назад идут, а сама-то немка притаилась где-то, пока не обойдется. Хозяйка, Степанида Ильинишна, как начнет ругаться, как начнет ругаться, даже почернела вся, думали, кондрашка ее хватит. Метила дочку за генерала, а гляди куда попала. Немкин племянник шатуший. От такого-то богатства! И уж вот ругалась! С соседних

дворов пришли. И прокляну, и вон, и всяко! Очень занято было. Дочка все молчит, потом взяла мать за руку, повела в спальню, да и заперлась с ней там. О чем говорили – кто их знает, а только потом мать вышла словно шелковая. И простила, и за угощением послали, теперь такой пир – страсть! Мы все поздравлять ходили. Шампанское. И немка выискалась, сидит, как королева. Ишь ведь, хитрая.

Аня не проронила ни слова. Но когда горничная кончила, она вскочила с постели и быстро начала одеваться. Она спешила. Надо было идти, действовать, сказать им все прямо в глаза, чтобы они поняли, что так нельзя. Или это неверно, неправда – или слова ее как громом поразят их, они будут каяться и плакать – потому что ведь нет же в мире такой несправедливости...

Сознавая не совсем ясно, как она будет действовать, Аня сбежала с лестницы и отворила незапертую дверь в квартиру нижнего этажа.

Аня остановилась на пороге залы. Тут за столом сидела вся семья. Каролина Петровна, красная, торжественная, даже без очков, толстая Степанида Ильинишна, Лида, с розовыми пятнами на хорошеньком личике, – все они казались довольными, без тени смущенья и неправоты. Только Платон Николаевич был немного выбит из колеи; но и он старался ободрить себя улыбкой – ведь теперь уже все равно.

Аня пристально взглянула на Платона Николаевича. Он вдруг показался ей маленьким и далеким, совсем другим.

Она почувствовала, что никакие ее слова, будь они истинны, как Божьи, не заставят этих людей каяться и плакать. Они хорошо устроились, что их теперь смутит?

И Аня, в первый раз в жизни, сделала над собой великое усилие – сдержала негодование и боль, с которыми шла сюда, и не сказала ни слова. Несправедливость жизни была перед нею – и Аня ей покорилась, потому что так следовало.

Лида подбежала к подруге.

– Ты поздравить меня пришла? Видишь, как все неожиданно случилось!.. Садись сюда, садись...

Аня поцеловала Лиду и села за стол, рядом с Платоном Николаевичем. Она отпила шампанское, поставила бокал и странно улыбнулась.

Платон Николаевич бросил на нее испуганный взор.

Но Аня, наклонившись к нему, проговорила снисходительно, угадывая его мысли:

– О, не бойтесь! Я не сделаю вам ничего дурного. Я теперь даже не хочу вам дурного. Разве стоит?